

Сакс Алексей Александрович

**Кавалерист-девица штабс-
ротмистр Александр Андреевич
Александров (Надежда Андреевна
Дурова)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Александрович С.**
Кавалерист-девица штабс-ротмистр Александр Андреевич Александров (Надежда Андреевна Дурова) / Сакс Алексей Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 67 с.

ISBN 978-5-519-84440-6

ISBN 978-5-519-84440-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ то время еще дѣти, къ сожалѣнію, помнятъ только то, что въ ихъ домѣ, на Пескахъ, сообщали сенсационную новость: у насъ въ гостяхъ «кавалеристъ-дѣвица», а затѣмъ всѣ шли потихоньку къ двери и въ дверную щелочку смотрѣли на молодую, прекрасную, довольно полную женщину въ мужскомъ костюмѣ, игравшую въ карты и курившую. Какъ бы то ни было, но въ тридцатыхъ годахъ имя Надежды Дуровой было извѣстно въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ. Но затѣмъ, послѣ того, какъ она окончательно возвратилась въ провинцію и прекратила свою литературную дѣятельность (въ сороковыхъ годахъ), ея имя и участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ постепенно забываются; только смерть ея въ Елабугѣ въ 1866 г. на короткое время опять привлекаетъ всеобщее вниманіе на эту, во всякомъ случаѣ, оригинальную личность.

Желая дать, по возможности, полную и въ то же время достовѣрную біографію Надежды Андреевны Дуровой, мы тщательно изучили всѣ доступные намъ источники въ архивахъ, бібліотекахъ, но, конечно, не можемъ утверждать, что намъ удалось исчерпать до конца весь имѣющійся матеріалъ и что въ нашемъ очеркѣ не вкрадется ни единая неточность.

Если этотъ очеркъ вызоветъ какія-либо возраженія, то мы будемъ искренно признательны всѣмъ, могущимъ исправить невольные недочеты или внести что-либо новое въ нашъ скромный трудъ. А пока приступаемъ къ изложенію біографіи Дуровой, пользуясь тѣми данными, которыя мы считаемъ наиболѣе заслуживающими вниманія и довѣрія.

Надежда Андреевна Дурова, будущій «кавалеристъ-дѣвица», родилась въ 1783 г. въ Малороссіи. Сама она въ своихъ запискахъ пишетъ, что родилась въ Кіевѣ, гдѣ въ то время квартировалъ гусарскій полкъ, въ которомъ ея отецъ въ чинѣ ротмистра командовалъ эскадрономъ.

Приводимъ здѣсь не лишенный интереса документъ, устанавливающий и годъ рожденія Дуровой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне определенно фактъ ея замужества, что, между прочимъ, тщательно ею скрывалось.

Этотъ документъ—метрическая запись о бракосочетавшихся Сарапульскаго Вознесенскаго собора (Вятской губ.) отъ 25-го октября 1801 года за № 44.

«Сарапульскаго нижняго земскаго суда дворянскій засѣдатель 14-го класса Василій Стефановъ Черновъ 25 лѣтъ понялъ господина Сарапульскаго городничаго Андрея Дурова дочь дѣвицу Надежду 18 лѣтъ».

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о замужествѣ Дуровой не можетъ быть сомнѣній, и прозвище «кавалеристъ-дѣвица» является не болѣе не менѣе, какъ фантастическимъ.

Отецъ Надежды Андреевны, Андрей Васильевичъ Дуровъ, родился въ Уфимской губ. Его предки были родомъ изъ Польши и носили фамилію «Туровскихъ».

При Алексѣѣ Михайловичѣ Смоленско-Полоцкіе шляхтичи Туровскіе, послѣ взятія Смоленска, были переселены въ устраиваемую тогда Уфимскую область.

Не желая казаться чужими среди боярскихъ служилыхъ людей, оказавшихся ихъ сосѣдями, они переимѣнили свою фамилію Туровскихъ на Туровыхъ, а Туровы съ теченіемъ времени стали Дуровыми.

По актам XVIII столѣтія, Дуровы уже числятся въ спискахъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ. Предки Андрея Васильевича Дуропа пользовались извѣстностью среди уфимцевъ и имена ихъ не разъ встрѣчаются въ архивныхъ документахъ. Относительно самого Андрея Васильевича съ достовѣрностью извѣстно только, что онъ служилъ въ гусарскомъ полку, квартировавшемъ въ Малороссіи, гдѣ онъ и женился. Затѣмъ, выйдя въ отставку, нѣкоторое время проживалъ въ своей небольшой деревнѣ Вербовкѣ, Вятской губ., Сарапульскаго уѣзда, а въ 1789 г. былъ назначенъ городничимъ въ г. Сарапулъ.

Мать Надежды Андреевны, Надежда Ивановна Александровичъ, дочь Ивана Ильича Александровичъ (сначала бунчуковского товарища, а позднѣе подкоморія казначея Лубенскаго повѣта) и жены его Евфросиніи Григорьевны, рожденной Огреновичъ ¹⁾.

Александровичи владѣли имѣніемъ въ Полтавской губерніи, Великой Кручю, расположеннымъ на живописномъ правомъ берегу рѣки Уда, въ 7 верстахъ отъ г. Пирятина, по большой дорогѣ въ г. Лубны.

Какъ говорятъ, и до сихъ поръ въ с. Великой Кручѣ можно видѣть часть каменнаго домика (камняницы), въ которой, какъ будетъ сказано дальше, провела нѣсколько лѣтъ Надежда Андреевна.

Обстоятельства, при которыхъ женился Андрей Васильевичъ, носили нѣсколько романтическій характеръ.

Въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія въ г. Пирятинѣ квартировалъ одинъ изъ гусарскихъ полковъ, въ которомъ служилъ отецъ Надежды Андреевны. Онъ познакомился съ семьей Александровичей, бывалъ у нихъ, влюбился въ красивую младшую дочь Надежду Ивановну и вскорѣ сталъ пользоваться взаимностью. Родители, люди состоятельные и гордившіеся своею родовитостью и положеніемъ, не хотѣли и слышать о бракѣ дочери съ гусарскимъ ротмистромъ, владѣвшимъ лишь крохотной деревушкой гдѣ-то въ Вятской губ. Молодые люди, убѣдившись, что никогда не получатъ согласія родныхъ, рѣшились бѣжать. Обвѣнчавшись въ ближайшемъ селѣ, они ѣдутъ въ Кіевъ, куда въ это время перевели полкъ. Просьбы Надежды Ивановны простить ее долго не могли смягчить суроваго Александровича, и только послѣ появленія на свѣтъ въ 1783 г. перваго ребенка Надежды старикъ простилъ свою дочь. Въ своихъ запискахъ Надежда Андреевна пишетъ, что къ этому времени полкъ уже находился въ Херсонѣ. Молодые люди изъ Херсона пріѣхали въ Великую Кручу, а затѣмъ, оставивъ свою маленькую дочь у бабушки Александровичъ, поѣхали въ Москву хлопотать о мѣстѣ, такъ какъ на военной службѣ, за недостаткомъ средствъ, Андрей Васильевичъ оставаться не могъ. Въ 1789 г. Дуровъ получаетъ мѣсто городничаго въ г. Сарапулѣ, куда привозятъ и дочь Надежду изъ Великой Кручи. По поводу продолжительности пребыванія Надежды Андреевны у бабушки существуютъ двѣ версіи: согласно «Запискамъ» самой Надежды Андреевны и по статьѣ «Историческаго Вѣстника 1890 г.», она прожила у бабушки до 7 лѣтъ, то есть до назначенія отца городничимъ, а затѣмъ вторично жила у бабушки съ тринадцати до семнадцати лѣтъ; по другой же версіи, она прожила у бабушки непрерывно до 17 лѣтъ.

¹⁾ Александровичи имѣли двухъ сыновей: Варфоломея и Порфирія, и четырехъ дочерей: Ульяну, умерла дѣвушкой; Прасковью Остроградскую; Александру Зицико-Яворскую; Евфросинію (по нѣкоторымъ источникамъ, Феодосію) Вутовскую и Надежду Дурову.)

По имѣющемуся документу, вторая версія опровергается и устанавливается фактъ ея прїѣзда къ отцу и матери въ 1790 г., т. е., когда ей было 7 лѣтъ.

Изъ той же метрической книги Вознесенскаго собора отъ 3-го августа 1790 г. заимствуемъ слѣдующее:

«Сарапульскаго городничаго секундъ-маіора Андрея Дурова родилась дочь Евгенія, воспріемница дочь его Андреева отроковица Надежда».

Такимъ образомъ ясно, что съ 1790 года, т. е. по достиженіи 7 лѣтъ, Надежда Дурова жила у родителей.

Въ своихъ запискахъ Дурова, касаясь періода дѣтства и времени, предшествующему ея поступленію на военную службу, часто, какъ мы уже раньше говорили, мѣшаетъ истину съ вымысломъ; это отчасти объясняется или намѣреніемъ скрыть то, что она не желаетъ сдѣлать общимъ достояніемъ, или желаніемъ скрасить, опозитивировать то или другое событіе изъ ея жизни. Свѣдѣнія о ея дѣтскихъ годахъ мы почти исключительно находимъ въ ея запискахъ, но относиться къ этимъ свѣдѣніямъ приходится очень осторожно. Такъ, напримѣръ, къ разсказу о томъ, какъ мать ее возненавидѣла съ перваго же ея дня появленія на свѣтъ. По словамъ Надежды Андреевны, мать выбросила ее изъ окна кареты; ребенка поднялъ отецъ и сдалъ на руки фланговому гусару татарину Ахматову. На попеченіи послѣдняго она и оставалась до переѣзда въ деревню къ бабушкѣ. Вѣрнѣе всего, что мать ея Надежда Ивановна, молодая, красивая, выросшая въ богатомъ домѣ, попавъ въ совершенно иную, почти бѣдную, обстановку, принужденная съ груднымъ ребенкомъ дѣлать тяжелые походы, капризничала и нервничала; возможно, что она и въ самомъ дѣлѣ поручила солдату Ахматову раздражавшаго ее ребенка, и что Ахматовъ и нянчился съ ней, какъ въ наши дни часто денщики нянчатся съ дѣтьми офицеровъ.

Маленькая Дурова всѣмъ сердцемъ привязывается къ Ахматову; еще плохо умѣющая ходить, она уже привыкаетъ къ военной обстановкѣ. Ахматовъ носитъ ее въ конюшню, сажаетъ на лошадей, игрушками ей служатъ сабли, пистолеты, любимой музыкой—сигналы, зори, зрѣлищемъ—смотри, ученія. Эти первыя впечатлѣнія глубоко западаютъ въ память ребенка и обыкновенныя игры и занятія, свойственныя дѣвочкамъ, не могутъ заинтересовать бойкую, шаловливую Надежду. Всѣ старанія матери исправить сорванца-дочь, мальчишескіе замашки которой раздражаютъ ее и приводятъ въ отчаяніе, остаются безуспѣшны. Затруднительное матеріальное положеніе тоже угнетающе дѣйствуетъ на Надежду Ивановну, и между матерью и дочерью съ раннихъ лѣтъ устанавливаются довольно тяжелыя отношенія. Вполнѣ понятно, что предложеніе бабушки взять дѣвочку къ себѣ въ Великую Кручу, до полученія отцомъ мѣста, охотно принимается родными. И вотъ, для Надежды наступаетъ новая жизнь. Нѣтъ Ахматова, нѣтъ походовъ съ полкомъ, учений, смотровъ, однимъ словомъ, всего того, что составляетъ особенности военной жизни и къ чему ее пріучили съ перваго дня появленія на свѣтъ, но зато нѣтъ и постоянныхъ выговоровъ, замѣчаній со стороны матери, нѣтъ попытокъ учить ее всему тому, что должно было сдѣлать изъ нея благовоспитанную дѣвочку. Бабушка полюбила некрасивую, но живую, ласковую внучку, баловала ее и не особенно стѣсняла, предоставляя ей бѣгать, рѣзвиться и играть «въ гусаръ» въ обширномъ саду усадьбы. Это были счастливые годы для маленькой Надежды. Въ 1790 г. мы встрѣчаемъ Дурову въ Сарапулѣ, въ домѣ отца, гдѣ ее вновь

ждать тяжелая обстановка. Ее по прежнему не интересует все то, что, по тогдашнимъ понятіямъ, являлось необходимымъ знать всякой дѣвушкѣ, какъ хозяйкѣ и будущей матери семейства. Она пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ убѣжать въ садъ, въ поле, а, если подвернется подходящая лошадь, вскарабкаться на нее и скакать, куда глаза глядятъ. Дома, конечно, ее ожидаютъ упреки, наказанія, но она несправима.

Въ своихъ запискахъ Дурова часто подчеркиваетъ несправедливое отношеніе къ ней матери, но едва ли она была права. Жизнь ея матери съ годами складывалась все тяжелѣе. Матеріальное положеніе было попрежнему болѣе, чѣмъ не блестящее; семья все увеличивалась, а тутъ еще начались и несогласія съ мужемъ, домашніе раздоры. Пренняя цѣтущая красавица, Надежда Александровичъ стала неузнаваема: все ее раздражало, она хворала, старѣла и часто жаловалась на горькую долю женщины. Маленькая Надежда слушала эти жалобы и, по ея словамъ, онѣ вселяли въ нее еще больше отвращенія ко всему тому, что отъ нея требовали и что, по ея мнѣнію, должно было выработать изъ нея еще одну лишнюю представительницу угнетеннаго подначальнаго элемента, какимъ рисовалась въ ея воображеніи женщина. Отсюда и ея отвращеніе ко всему, что составляетъ удѣлъ женщины, и нежеланіе подчиниться матери и ея требованіямъ.

Непокорность Надежды все болѣе и болѣе раздражала мать и, въ концѣ концовъ, когда ей минуло 13 лѣтъ, ее вновь отвозятъ къ бабушкѣ въ Великую Кручу. Снова она попадаетъ въ привольную обстановку, гдѣ ее ласкаютъ, балуютъ, и гдѣ, самое главное, она почти предоставлена самой себѣ. Здѣсь мало-помалу, подъ влияніемъ окружающаго ее общества—бабушки, тетокъ, Надежда Андреевна начинаетъ забывать свои первыя впечатлѣнія дѣтства. Мальчишескія наклонности, остатки ранняго военнаго воспитанія постепенно исчезаютъ и въ ней пробуждаются черты, болѣе свойственныя ея женской природѣ. Результатомъ этого было то, что даже затѣвается нѣчто похожее на романъ съ сосѣдомъ помѣщикомъ, но дѣло разстраивается, такъ какъ Дурова безприданница и къ тому же ее увозятъ опять къ родителямъ въ Сарапуль, по настойчивымъ просьбамъ матери.

Въ 1801 году Дуровой минуло 18 лѣтъ, и вполне естественно, что у ея родныхъ зародилась мысль выдать ее замужъ. Въ октябрѣ этого же года она становится женою мелкаго чиновника Чернова. Если мы бросимъ взглядъ на всю предшествовавшую жизнь Дуровой, на ея взглядъ на роль женщины, то, естественно, возникаетъ вопросъ: что побудило Дурову рѣшиться на такой шагъ?

Почти невозможно съ достовѣрностью отвѣтить на это, такъ какъ въ своихъ «Запискахъ» она ни слова не говоритъ о своей семейной жизни; возможно, что ея родители, какъ это часто дѣлалось въ тѣ времена, просто выдали ее замужъ, не считаясь съ ея желаніемъ. Предположить же, что она вышла замужъ просто по влеченію къ молодому Чернову, менѣе правдоподобно, если мы припомнимъ всѣ особенности характера Дуровой.

Но какъ бы то ни было, замужество Дуровой — фактъ, не вызывающій сомнѣній; достаточно припомнить уже ранѣе приведенный нами документъ — метрическую запись Сарапульскаго Вознесенскаго собора отъ 25-го октября 1801 г.

Черезъ годъ у Надежды Андреевны родился сынъ Иванъ, о чемъ также имѣется метрическая запись подъ № 3 1803 г.

«Сарапульскаго нижняго земскаго суда дворянскаго засѣдателя Василя Степанова Чернова сынъ Іоаннъ, родился 7 Генваря. Восприемникъ Сарапульскій городничій Андрей Васильевъ сынъ Дуровъ».

Здѣсь же приведемъ еще одинъ любопытный документъ, въ которомъ говорится о сынѣ Н. А. Дуровой; это прошеніе старика Дурова на Высочайшее Имя объ опредѣленіи на казенный счетъ въ институтъ его младшей дочери, а въ корпусъ внука, сына дочери Надежды.

Копія.

7081.

Изъ Вятской губерніи.

Докладывано 1 Авг. 1808 г.

Высочайше повелѣно внука просителя и дочь привести сюда на казенный счетъ и опредѣлить перваго—въ военно-сиротское отдѣленіе, а послѣднюю—въ таковое же отдѣленіе подъ управленіемъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны находящееся.

Витекому Гражданскому Губернатору и Военному Министру сообщ. 28 Августа.

Писано г. Вилламову 31 Августа.

Дуровъ, Коллежскій Совѣтникъ Вятской губерніи города Сарапула городничій проситъ опредѣлить 9-лѣтняго сына его и внука—сына дочери его, отличившейся въ прошедшую съ французами войну подъ именемъ Соколова—въ какой-либо корпусъ, а 8-лѣтнюю дочь—въ Смольный Монастырь, и доставить ихъ сюда на казенный счетъ.

(Подпись) Статсъ-Секретарь *Молчановъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно (подпись) *С. Писаревъ*.

Настоящая копія выдана изъ Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній 26 Января 1902 года. Г. С.-Петербургъ.

Управляющій дѣлами Канцеляріи (подпись) *Баронъ Аккурти*.

М. П.

И. о. Секретаря Канцеляріи (подпись) *С. Писаревъ*.

По всей вѣроятности, супружеская жизнь Черновыхъ сложилась неудачно и даже появленіе на свѣтъ ребенка не внесло успокоенія въ уже начавшійся семейный разладъ. Вскорѣ послѣ свадьбы Чернова командировали въ Ирбитъ; Надежда Андреевна поѣхала было съ нимъ, но затѣмъ его оставила тамъ для того, чтобы болѣе уже никогда къ нему не вернуться.

Мы затрудняемся сказать, что было причиной ея неудачно сложившейся семейной жизни; во всякомъ случаѣ, не малую роль играло ея воспитаніе, въ связи со свойствами ея характера. Въ одной своей позднѣйшей повѣсти «Игра судьбы или противозаконная любовь» Надежда Андреевна горячо заступаетъ за молодую женщину, героиню повѣсти; она молоденькой, неопытной дѣвушкой рано вышла замужъ и оказывается только для того, чтобы переносить всевозможныя оскорбленія своего мужа, не встрѣчая въ окружающихъ ея людяхъ ничего, кромѣ порицаній и осужденій, тогда какъ ея порочнаго мужа всѣ оправдываютъ и считаютъ прекраснымъ человѣкомъ. Весьма вѣроятно, что въ этой повѣсти мы и находимъ картину семейной жизни самой Дуровой.

Бросивъ мужа, Надежда Андреевна снова поселилась у родителей. Къ этому времени отношенія между ними еще болѣе обострились, и Надежда Андреевна

просто томилась, попавъ опять въ дрязги семейной жизни. Единственно, что ее развлекаетъ, это верховая ѣзда, къ которой она пристрастилась еще съ дѣтства. Отецъ, который самъ ее училъ, подарилъ ей лошадь, ея любимца «Алкида», и казачій костюмъ; онъ искренно восхищался, какъ кавалеристъ, смѣлой ея ѣздой, ея умѣніемъ держаться въ сѣдлѣ и управлять лошадыю. Вообще, отецъ, какъ она это сама не разъ подчеркиваетъ, любилъ и баловалъ, по мѣрѣ возможности, свою старшую дочь. Уже это видно хотя бы изъ того, что, когда семейныя неурядицы стали невыносимы, то мать прежде всего рѣшаетъ выписать отъ бабушки свою дочь, въ надеждѣ, что ея присутствіе будетъ способствовать возстановленію правильныхъ семейныхъ отношеній. Но эта надежда бѣдной женщины, видимо, не оправдалась, и домашняя обстановка оставалась по прежнему тяжелой и гнетущей.

Надежда Андреевна не въ состояніи больше переносить эти семейныя раздоры; она, кажется, готова куда угодно бѣжать, лишь бы избавиться отъ этихъ ненавистныхъ условій жизни.

Въ силу этого, она рѣшаетъ кореннымъ образомъ измѣнить всю свою дальнѣйшую жизнь. Она рѣшаетъ уйти изъ дому и, переодевшись казакомъ, поступаетъ въ казачій полкъ, выступавшій изъ Сарануля на западную границу. Одѣвъ казачій костюмъ, подаренный ей отцомъ, уѣзжаетъ она на своемъ «Алкидѣ», оставивъ на берегу рѣки свое женское платье, что давало поводъ предполагать, что она утонула. Вскорѣ она нагоняетъ казаковъ и упрямиваетъ взять ее съ собою, назвавшись Александромъ Васильевымъ, якобы дворянскимъ сыномъ, противъ воли родителей рѣшившимъ во что бы то ни стало поступить на военную службу.

Такимъ образомъ Надежда Дурова для семьи и современниковъ перестала существовать, и мы будемъ встрѣчать ее подъ разными оффиціальными мужскими именами.

Итакъ, въ 1806 году Надежда Андреевна исчезаетъ изъ дома родителей. Лишь въ 1807 году отецъ, какъ и всѣ члены семьи, считавшій ее умершей, получаетъ письмо изъ Гродно, въ которомъ она сообщаетъ о томъ, что служить въ Конно-польскомъ полку товарищемъ (рядовымъ) подъ именемъ Александра Васильева Соколова.

Помѣщаемъ здѣсь письмо Андрея Васильевича Дурова отъ 27-го августа 1807 г. къ брату его, Николаю Васильевичу, проживавшему въ то время въ Петербургѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ брату о болѣзни и смерти своей жены и проситъ навести подробныя справки о дочери Надеждѣ:

«Радя Бога, узнайте о Надеждѣ и дайте ей объ этомъ знать; она, вѣрно, пріѣдетъ домой, не замая будетъ дѣтямъ матерью, а мнѣ другомъ; я ее очень люблю. Вотъ тебѣ извѣстіе, приведшее меня въ крайнее сокрушеніе; не знаю, когда успокоюсь, а теперь крайне тяжело. Время, конечно, все въ забвеніе приводитъ, но память о ней будетъ вѣчная. Прости, вѣрно, и ты слезу чувствительности выронишь объ ней. Братъ твой А. Дуровъ. P. S. Крайне бы хотѣлось знать объ Надеждѣ¹⁾».

Упоминаемъ здѣсь, что существовала версія, будто бы Дурова ушла съ полковникомъ или есауломъ казачьяго полка; въ Гродно онъ ее бросилъ и она тогда поступила въ Коннопольскій полкъ, но эта версія нѣ чѣмъ не подтверждается. Гораздо правдоподобнѣе, что Надежда Андреевна, слѣдуя влеченію своего живого,

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1872 г. 10, стр. 2043.

предпріимчиваго и рѣшительнаго характера, своего до нѣкоторой степени геройскаго духа, просто присоединилась къ уходящему полку безъ всякихъ романическихъ побужденій.

Нѣкоторые, въ томъ числѣ Мордовцевъ, объясняютъ рѣшеніе Надежды Андреевны вліяніемъ разговоровъ о Прасковѣ Лупановой, извѣстной подъ именемъ «Параша-Сибирячки». Въ 1804 году Параша пришла пѣшкомъ изъ Тобольска въ Петербургъ просить Государя о помплованіи отца, сосланнаго въ Сибирь въ 1798 г. По слухамъ, Лупанова, направляясь въ Петербургъ, проходила черезъ г. Ирбитъ, гдѣ въ то время жила Надежда Андреевна; послѣдняя, конечно, слышала объ ней, а, можетъ быть, и видѣла ее. Подвигъ Лупановой могъ, несомнѣнно, укрѣпить Надежду Андреевну въ принятomъ ею рѣшеніи, могъ дать ей извѣстный толчокъ, но объяснить рѣшеніе Дуровой исключительно вліяніемъ Параша-Сибирячки нѣтъ никакихъ основаній. Извѣстная доля воинственности, какая-то экзальтированная храбрость въ то время были свойственны многимъ женщинамъ. Достаточно сказать, что во французскихъ войскахъ въ эпоху Наполеона и раньше въ республиканскихъ войскахъ встрѣчались женщины-солдаты, удачно сходявшія за мужчинъ. Да и у насъ были подобные случаи, но при нѣсколько иной обстановкѣ.

Въ 1814 г. жена командира Измайловскаго полка генерала Храповицкаго, урожденная Дедулина, сопровождала мужа въ теченіи всего похода до Парижа подъ видомъ комнатнаго казачка; она была даже награждена медалью «За взятіе Парижа». Можетъ быть, живи Дурова лѣтъ на 50—60 позднѣе, она, не удовлетворившись семейной обстановкой, нашла бы другой выходъ для своей энергіи и предпріимчивости; но тогда что могло ожидать Дурову въ лучшемъ случаѣ: однообразная, тоскливая жизнь въ такой глуши, какъ Сарапуль, и постоянные упреки со стороны близкихъ и знакомыхъ за нежеланіе мириться съ окружавшей ее обстановкой.

При этихъ условіяхъ, рѣшеніе Дуровой, насквозь проникнутой героическими увлеченіями современной ей эпохи, бросить ненавистную ей сѣренькую жизнь скромной провинціалки, представляется, при особенномъ складѣ ея натуры, не такимъ уже сумасброднымъ.

На западной границѣ, гдѣ вскорѣ должны были начаться военныя дѣйствія, она могла увидѣть совершенно особенную жизнь, полную опасностей и лишеній, но зато и не лишенную разнообразія и интереса.

Въ «Запискахъ», описывая свой побѣгъ изъ дома, она говоритъ: «Итакъ, я на волѣ! Свободна, независима! Я взяла мнѣ принадлежащее: мою свободу, свободу, драгоценный даръ неба, неотъемлемо принадлежащій каждому человѣку! Я умѣла взять ее, охранить отъ всѣхъ притязаній на будущее время, и отнынѣ до могилы она будетъ и удѣломъ моимъ, и наградою!»

Не имѣемъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы съ увѣренностью сказать, что Надежда Андреевна, покинувъ родной домъ, нашла полное удовлетвореніе въ новой для нея жизни; что эта новая жизнь вознаградила ее за все, перенесенное ею прежде. Однако, повидимому, новая обстановка, дѣйствительно, пришлась ей по душѣ. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить то, что она такъ сроднилась со своей ролью мужчины. Съ самого 1806 г., когда она покинула Сарапуль, и до своей смерти въ 1866 г., т. е. въ теченіе шестидесяти лѣтъ, у нея ни разу не явилось стремленія превратиться вновь въ Надежду Андреевну

Дурову. Даже послѣ выхода въ отставку, когда она жила снова въ родныхъ краяхъ и ея пикогити болѣе не существовало, она по прежнему сохраняла мужскія привычки. Носила она всегда мужское платье, черный сюртукъ съ Георгіемъ въ петлицѣ. О себѣ всегда говорила: «я пришелъ, я сказалъ» и ничто ее такъ не обижало, какъ если кто нибудь въ разговорѣ обращался къ ней, называя ее Надеждой Андреевной.

По поводу своей манеры держаться всегда по-мужски, Дурова рассказываетъ въ своей книгѣ «Годъ жизни въ Петербургѣ», какъ она этимъ смутила Пушкина при первой съ нимъ встрѣчѣ въ 1836 г.:

«Впрочемъ, любезный гость мой приходилъ въ примѣтное замѣшательство всякой разъ, когда я, рассказывая что нибудь, относящееся ко мнѣ, говорила: «былъ!.. пришелъ!.. пошелъ!.. увидѣлъ!.. долговременная привычка употребить «ъ» вмѣсто «а» дѣлала для меня эту перемѣну очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролью, обратившеюся мнѣ уже въ приросту! Наконецъ, Пушкинъ поспѣшилъ кончить и посѣщеніе, и разговоръ, начипавшій дѣлаться для него до крайности труднымъ».

Когда Пушкинъ, уходя, поцѣловалъ ее руку, то Дурова поспѣшно выхватила ее, покраснѣла и воскликнула: «Ахъ, Боже мой, я такъ давно отвыкъ отъ этого!»

Но возвратимся теперь къ только что прибывшему въ Гродно Александру Васильевичу Соколову.

Въ Гродно въ то время какъ разъ шла усиленная вербовка для укомплектованія Коннопольскаго полка, потерявшаго въ бояхъ много людей. Вербовкой заведывалъ ротмистръ Казимірскій, къ нему и обратилась Надежда Андреевна съ просьбой принять ее въ Коннопольскій полкъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, относящихся къ ея казачьему костюму, Казимірскій согласился принять ее въ полкъ.

Надежда Андреевна въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что она поступила въ полкъ подъ фамиліей «Дурова», но это не вѣрно, такъ какъ ниже мы будемъ имѣть случай привести ея формулярный списокъ, въ которомъ она значится подъ именемъ Александра Васильева Соколова. Мечта Надежды Андреевны осуществилась. Она — товарищъ Коннопольскаго полка и поручена одному улану, который долженъ былъ ее обучить всѣмъ премудростямъ солдатской науки: маршировкѣ, рубкѣ, стрѣльбѣ, владѣнію пикой, уходу за лошадыю и т. д. Вотъ какъ она сама говоритъ объ этомъ:

«Всякій день встаю я на зарѣ и отправляюсь въ сборню¹⁾, оттуда всѣ вмѣстѣ идемъ въ конюшню; уланскій менторъ мой хвалитъ мою понятливость и всегдашнюю готовность заниматься эволюціями, хотя бы это было съ утра до вечера. Онъ говоритъ, что я буду молодецъ. Сколько ни бываю я утомлена, размахивая цѣлое утро тяжелою пикой, сестрою сабли, маршируя и прыгая на лошади черезъ барьеръ, но въ полчаса отдохновенія усталость моя проходить, и я отъ двухъ до шести часовъ хожу по полямъ, горамъ, лѣсамъ безстрашно, беззаботно и безустанно!»

Сознаніе свободы, съ момента поступленія на военную службу, вызываетъ въ ней чувство безумной радости, которая въ ея дневникѣ выражается слѣдующими словами:

¹⁾ Изба, гдѣ учили молодыхъ солдатъ.

«Свобода, драгоценный даръ неба, сдѣлалась, наконецъ, удѣломъ моимъ навсегда! И ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую въ душѣ, въ сердцѣ. Ею проникнуто мое существованіе, ею оживлено оно! Вамъ, молодыя мои сверстницы, вамъ однимъ понятно мое восхищеніе! Однѣ только вы можете знать цѣну моего счастья. Вы, которыхъ всякій шагъ на счету, которымъ нельзя пройти двухъ сажень безъ падзора и охраненія, которыя отъ колыбели и до могилы въ вѣчной зависимости и подѣ вѣчной защитой Богъ знаетъ отъ кого и отъ чего! Вы, повторяю, однѣ только можете понять, какимъ радостнымъ ощущеніемъ полно сердце мое при видѣ обширныхъ лѣсовъ, необозримыхъ полей, горъ, долинъ, ручьевъ и, при мысли, что по всѣмъ этимъ мѣстамъ я могу ходить, не давая никому отчета и не опасаясь ни отъ кого запрещенія; я прыгаю отъ радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу болѣе словъ: ты, дѣвка, сиди, тебѣ неприлично ходить одной прогуливаться».

Какая искренняя ненависть къ установившемуся вѣками положенію женщины звучитъ въ этихъ словахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти слова Дуровой какъ бы приводятъ въ недоумѣніе: о какой такой свободѣ можетъ быть рѣчь, когда суровый режимъ являлся

отличительной чертой военной службы того времени. Но стоитъ глубже вникнуть, въ смыслъ ея словъ, и всякое недоумѣніе разсѣивается; становится ясно, что здѣсь идетъ рѣчь не о свободѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова; она говоритъ о свободѣ, какъ объ извѣстной самостоятельности, присущей мужчине при какихъ бы то ни было жизненныхъ обстоятельствахъ въ большей мѣрѣ, нежели женщинѣ. Достаточно припомнить послѣднія слова вышечитированной фразы, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго: «Я прыгаю отъ радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу болѣе словъ: ты, дѣвка, сиди; тебѣ неприлично ходить одной прогуливаться». Итакъ, имѣемъ возможность лишній разъ подчеркнуть, что, по своимъ взглядамъ, характеру и, главное, по своему духу, она вообще мало походила на женщину, а тѣмъ болѣе на женщину своего времени. Это былъ мужчина въ образѣ женщины.

Ничто не въ состояніи поколебать рѣшеніе Дуровой: никогда болѣе не возвращаться въ ненавистную ей прежнюю обстановку. Она легко мирится со всѣми

Коннопольскаго полка унт.-офиц. (товарищъ) Александръ Васильевичъ Соколовъ (Н. А. Дурова). 1807 г.

Изъ собр. портр. уланск. Литовскаго полка.

лишеніями и трудностями, неразрывно связанными съ жизнью товарища (рядового) Коннопольскаго полка. Между тѣмъ, какъ мы видимъ изъ ея же «Записокъ», тѣ трудности, которыя ей пришлось преодолѣть на первыхъ же порахъ ея службы, могли бы заставить отказаться отъ выбранной карьеры не только женщину, но и любого дворянскаго сына, за какого она себя выдавала. Даже такое сравнительно ничтожное обстоятельство, какъ «казенные сапоги», и то было причиной не малыхъ страданій. Вотъ какъ она сама на это жалуется.

«Ахъ, Боже, я точно прикована къ землѣ тяжестью моихъ сапогъ и огромныхъ бряцающихъ шпоръ! Охотно бы заказала сшить себѣ одну пару жиду сапожнику, но у меня такъ мало денегъ; надобно терпѣть, чего пельзя переимѣнить. Съ того дня, какъ я надѣла казенные сапоги, не могу уже болѣе попрежнему прогуливаться».

Но черезъ нѣсколько времени она, видимо, примирилась даже съ тѣмъ, что ей казалось самымъ ужаснымъ на военной службѣ, съ «казенными сапогами», и пишетъ: «я привыкла къ своимъ кандаламъ, т. е. къ казеннымъ сапогамъ, и теперь бѣгаю такъ же легко и неутомимо, какъ прежде; только на ученьи тяжелая дубовая пика едва не отламываетъ мнѣ руку, особливо, когда надобно вертѣть ею поверхъ головы: досадный маневръ».

Наконецъ, послѣ довольно продолжительной стоянки въ деревняхъ подъ Гродно, Коннопольскій полкъ выступилъ въ походъ за границу, и Дурова въ восторгѣ восклицаетъ: «Мы идемъ за границу! въ сраженіе! Я такъ рада и такъ печальна! Если меня убьютъ, что будетъ со старымъ отцомъ моимъ? Онъ любилъ меня! Черезъ нѣсколько часовъ я оставлю Россію и буду въ чужой землѣ! Пишу къ отцу, гдѣ я и что я теперь; пишу, что, падая къ стопамъ его и обнимая колѣна, умоляю простить мнѣ побѣгъ мой, дать благословеніе и позволить идти путемъ, необходимымъ для моего счастья».

Это письмо изъ Гродно, посланное Дуровой отцу, и было причиной того, что старикъ, сообщая брату Николаю въ Петербургѣ о смерти жены, поручаетъ ему развѣдать въ столицѣ какія вибудь дальнѣйшія подробности о мѣстонахожденіи дочери. Письмо Надежды Андреевны, по ея словамъ, произвело тяжелое впечатлѣніе на родныхъ и, особенно, на мать, которая умерла, не перенеся нареканій дочери.

«Я имѣла безразсудство писать, что непомѣрная строгость матери выгнала меня изъ дома отцовскаго, что я прошу батюшку, въ случаѣ, если буду убита, простить мнѣ ту печаль, которую нанесетъ ему смерть моя. Матушка лежала опасно больная въ постели и была очень слаба, когда ей принесли это письмо; она взяла его, прочитала; молчала съ минуту, потомъ, сказавъ со вздохомъ: «она выпить меня!» отвернулась къ стѣнѣ и умерла... Я рыдала, какъ пятилѣтнее дитя, слушая этотъ разсказъ. Думала ли я, что батюшка покажетъ ей это письмо». О смерти матери ей разсказалъ дядя при встрѣчѣ съ ней въ Петербургѣ.

Результатомъ ея письма изъ Гродно и было то, что ея дядя, по просьбѣ отца, представилъ Императору Александру I Всеподданнѣйшій докладъ отъ 28-го сентября 1807 г. съ просьбой о повелѣніи розыскать Надежду Чернову—товарища Коннопольскаго полка Соколова.

«Коллежскій совѣтникъ Дуровъ, въ Вятской губерніи, въ городѣ Сарапулѣ жительствовавшій, имѣть повсюду дочь Надежду, по мужу Чернову, которая, по семейнымъ несогласіямъ, принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ